

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪИ ДАСЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМЪИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБЪХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕСНАГО.

Троицкій собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Божіей помощью издание **БОЖІЕЙ НИВЫ** будетъ продолжаться и въ предстоящемъ 1906 году съ пріятной для насъ увѣренностію, что труженики народныхъ школъ, какъ и прежде, будутъ находить въ немъ то, что такъ благопотребно для нихъ въ наше тревожное время, когда люди самыхъ различныхъ взглядовъ и направленій съ легкимъ сердцемъ берутся рѣшать сложные вопросы педагогики, съ готовностію даже оспаривать иногда у обученія право быть „воспитывающимъ“... Какъ и въ предыдущемъ году, считаемъ своимъ долгомъ принести благодарность всѣмъ, кто съ любовью откликается на наше печатное слово присылкою своихъ дневни-

ковъ, замѣтокъ и писемъ, вмѣстѣ съ которыми поступали въ редакцію и многочисленныя выраженія признательности за наше посильное дѣло на благо родины и на пользу родного просвѣщенія въ духѣ православно-русскихъ завѣтовъ.

Усматривая изъ этихъ замѣтокъ и особенно изъ писемъ, какъ православно-русскіе люди дорого цѣнятъ всё, что исходитъ отъ обители великаго Печальника Русской земли, какъ они нуждаются въ добромъ словѣ назиданія, редакція **БОЖІЕЙ НИВЫ**, въ надеждѣ на помощь Божию и молитвы угодника Божія преподобнаго Сергія, и вступаетъ, откликаясь на духовныя запросы нашихъ читателей, въ 5-й годъ изданія своего журнала. Не отклоняясь отъ намѣченной программы и не оставляя своей первоначальной задачи—служить главнымъ образомъ раскрытію и рѣшенію вопросовъ школьнаго воспитанія, редакція, уже дававшая, по временамъ, посильное освѣщеніе и тѣхъ вопросовъ, которыми можетъ интересоваться не только школа, но и семья, не только труженики на нивѣ народнаго просвѣщенія, но и родители, будетъ затрогивать эти послѣднія и въ будущемъ году. А тревоги времени, когда въ печати и обществѣ слышится столько крайнихъ сужденій по этимъ вопросамъ, еще болѣе утверждаютъ ее въ этомъ намѣреніи, тѣмъ болѣе что среди нашихъ читателей—по преимуществу руководителей народнаго просвѣщенія, не мало и людей домашняго очага—людей, интересующихся общими вопросами воспитанія.

Въ соотвѣтствіе съ этимъ редакція **БОЖІЕЙ НИВЫ** находитъ болѣе отвѣчающимъ внутреннему содержанию журнала перемѣну подзаголовка изъ „Троицкій Собесѣдникъ для церк.-приходскихъ школъ“ въ „Троицкій Собесѣдникъ для православной школы и семьи“ съ удержаніемъ прежняго общаго заглавія **БОЖІЯ НИВА**. Этотъ-же заголовокъ, надѣемся, дастъ понять новымъ нашимъ подписчикамъ, что журналъ **БОЖІЯ НИВА** не какой-либо спеціально школьный дидактическій журналъ, какимъ онъ представляется иногда людямъ, знакомымъ съ нимъ по одному лишь названію, а и общепедагогическій. *По принятому порядку* и въ предстоящемъ 1906 году мы дадимъ 12 №№ **БОЖІЕЙ НИВЫ** и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія, изъ коихъ каждая представляетъ какъ-бы маленькій назидательный сборникъ. Цѣна журнала съ приложеніями остается прежнею 1 рубль въ годъ съ пересылкою.

Имѣя въ виду, что печатаніе адресовъ съ разными почтовыми формальностями замедляетъ въ началѣ года разсылку журнала, редакція покорнѣйше проситъ высылать деньги заблаговременно съ приложеніемъ адреса, по которому получался журналъ. *Наложнымъ платежемъ журналъ не высылается.*

Подписка въ текущемъ году продолжается. Новые подписчики

получать всѣ вышедшіе номера, начиная съ 37-го, за 1 р. Первый, второй и третій томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12—1902 г.; 13—24—1903 г.; 25—36—1904 г.) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый, а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получить по 5 к. книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ. Съ прошлаго года въ редакціи имѣются годовые томики **ЗЕРНЫШЕКЪ** въ коленкоровыхъ переплетахъ съ общимъ счетомъ страницъ, которыя можно пріобрѣтать по 80 к. безъ пересылки и по 1 р. съ пересылкою.

Журналъ „БОЖІЯ НИВА“ одобренъ Училищнымъ Советомъ при Святейшемъ Синодѣ для выписки въ библиотеки церковныхъ школъ.

Епархіальные училищные советы могутъ вносить „БОЖІЮ НИВУ“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совета за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя библиотеки.

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Теперь.

II.

Теперь однако не то. Не та стала, прежде всего, и самая азбука. На нашей, недавней уже, памяти окоротились, какъ бы отоцали, полновѣсныя русскія буквы, превратившіяся постепенно изъ „азъ“, „буки“, „вѣди“... въ „а“, „бе“, „ве“... и потомъ въ „а“, „б“, „в“... Утратилась первоначальная жизнь ихъ, а вмѣстѣ съ ними и общая содержательность русскаго алфавита, о чемъ не мало скорбятъ старожилы. „По шестому году, пишетъ одинъ изъ нихъ, посадили меня за букварь и часословъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ такое образованіе смѣшно; но такое начало не совсѣмъ худо. Оно съ самыхъ ногтей знакомитъ съ роднымъ языкомъ и научаешь страху Божію (Ср. Прит. Сол. 1, 7). Тогда еще не учили на французскій манеръ; не было ни а, ни бе,—а были просто: азъ, буки, вѣди и пр. Признаюсь, я и теперь не могу

равнодушно слышать, какъ русскіе дѣти складываютъ: бе—а=ба; мнѣ кажется понятнѣе: буки—азъ=ба. Славянская азбука есть вмѣстѣ и *Молитва и Законъ*. Что значать для русскаго всѣ: а, бе, ве?.. Совершенно никакого понятія съ этимъ не сопрягается, кромѣ пустаго звука словъ; между тѣмъ какъ, читая славянскую азбуку, я научаюсь многому: „азъ, вѣдый глаголь, добро есть живете, земля иже и, како люди мыслете, нашъ онъ покой, рцы слово твердо“. Вотъ съ первымъ понятіемъ ребенка, съ первымъ началомъ, прежде еще складовъ, говорить ему Господь, что Онъ вѣдаетъ помыслы людей, знаетъ какъ они живутъ на землѣ, на коей суть. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди признаютъ, что одинъ Богъ успокоиваетъ ихъ и обязуются хранить данное слово. Гг. филологи, не хвалитесь мудростію вашею“⁵⁾... Согласимся, что противъ такого сужде-

⁵⁾ *Истор. Вѣстникъ* 1893 г. апрѣль. Стр. 47.

нія есть свой резонъ: поскорѣе изучи азбуку, чему помогаетъ упрощенный методъ, и переходи къ сознательному чтенію. Но посмотрите на современную русскую азбуку, даже на лучшую изъ нихъ. Что даетъ она школяру? Подъ различными, впрочемъ, понятными, вѣяніями изъ ней совершенно вывѣтрился духовный религіозно-нравственный элементъ и учащійся по новой азбукѣ отъ первой буквы и часто до послѣдней страницы ея, „оставаясь въ положеніи слѣпорожденнаго для высшихъ понятій“, чѣмъ такъ дорожатъ православно-русскіе люди, приобрѣтаетъ лишь запасъ такихъ представлений, какъ Азъ—ананасъ, буки—быкъ, вѣди—вѣсы и т. д. кончая Өитю съ „Өедоромъ съ квасомъ“⁶⁾... Правда Өедоръ еще не чуждъ русскому духу. А что сказать о такой, наприкладъ, азбукѣ, гдѣ вмѣсто „азъ—ангельскій“, „буки—Богъ, Богородица“ дѣти читаютъ: „А и Б—Антилопа Быстрая“, „В, Г—Волкъ Горный“, „Д—Двуутробка“, „Е—Ежъ“, „Ж, З—Желтая Зебра“, „И—Изюбрь“, „К, Л—Кошка Лѣсная“, „М, Н—Медвѣдь Ночной“, „О, П—Олень Простой“, „Р, С—Ручной Слонь“, „Т, У—Тигръ и Удавъ“, „Ф, Х—Фараонова мышь и Хорекъ“, „Ш, Щ—Шалость Щенятъ“, „Я—Ягуаръ“⁷⁾... Скажите, какіе горизонты открываются подобными Азбуками?! Правда, позднѣйшіе авторы азбукъ, какъ бы сознавая ошибки предшественниковъ, стараются „упростить“ азбуку, приспособляя картинки къ пониманію русскихъ дѣтей, которыя, быть можетъ, никогда въ теченіе всей своей жизни не попробуютъ ананаса и не увидятъ Фараоновой мыши... Но и они мало,

обидно мало, думаютъ объ озареніи дѣтскаго ума духовнымъ свѣтомъ, постоянно вода начинающихъ грамотеевъ среди обыденныхъ предметовъ и явлений далекой отъ жизни дѣйствительности... Возможно быстрое усвоеніе механизма чтенія—вотъ главная задача ихъ, благодаря чему въ азбукахъ по преимуществу и видимъ мы, по слову пророка, кости, „мертвыя кости“, а „духа въ нихъ нѣтъ“... А въ результатѣ среди дѣтей появляется большее и большее число осмѣянныхъ Митрофанушекъ, только болѣе утонченныхъ Митрофанушекъ, которые еще коварнѣе домогаются удобствъ внѣшней, безпечальной жизни, видя въ ученіи только средство къ матеріальному благополучію. Прежде изучавшій азбуку и послѣ склады шагъ за шагомъ приобрѣталъ новыя и новыя познанія въ области нравственнаго благоповеденія. Теперь не то. Изучая звуки, а не мысли азбуки, современный школьникъ знаетъ, что эти звуки нужны ему для умѣнья читать, а умѣнье читать нужно для ознакомленія съ книгами, а книги нужны для жизни... И вотъ онъ, презирая читательскую выучку, рвется къ книгамъ и далѣе къ жизни, къ внѣшней, безсодержательной жизни... А вотъ и примѣры для характеристики того, какъ послѣ изученія азбуки дрессируются дѣти въ современной передовой школѣ, или лучше, какъ убивается ихъ душа, ихъ личная жизнь, за которую такъ много ратуютъ теперь, и убивается именно благодаря тому, что дѣти бесплодно переживаютъ невозвратимые истинно золотые начальные моменты обученія, когда задается основной тонъ всему обученію, когда особенно важно изобличить верхоглядство и пріучить къ серьезному вдумчивому чтенію... Позволяемъ себѣ привести выдержку изъ одного почтен-

⁶⁾ Смирновъ.

⁷⁾ Азбука, изданіе Щеглова, въ Москвѣ, 1886 г.

наго столичнаго органа ⁸⁾, гдѣ дано нѣсколько любопытныхъ штриховъ, характеризующихъ безсодержательность той механической системы воспитанія, въ результатѣ которой являются ни на что непригодные даже „премированные“ и „аттестованные“ ученики и ученицы, отъ которыхъ отмахиваются всѣ дѣловые люди, какъ отъ такихъ людей, которые, долго учившись, ничему не научились, но которые, тѣмъ не менѣе, рвутся къ жизни и хотятъ служить... Вотъ мать мычется съ Лидочкой въ поискахъ за мѣстомъ. Ей всюду отказываютъ, ссылаясь на „перепроизводство“ интеллигентныхъ дѣвушекъ, обученныхъ по „программѣ“... Она указываетъ на блестящее прохожденіе ею курса наукъ... Но въ концѣ концовъ мать должна была убѣдиться, что ея дѣвочку „учили не тому, чему надо учить для жизни“. Не помогло здѣсь даже и то, что ея Лидочка—блондинка „очень хорошенькая“... Это, впрочемъ, дочь интеллигентныхъ родителей. А вотъ муки и простой школьной выучки, претерпѣваемая дочерью кухарки, которая учится въ городскомъ училищѣ и „идетъ изъ первыхъ, какъ и Лидочка“... Она сидитъ въ комнатѣ рядомъ съ кухней и, съ упорствомъ, зажавъ уши, въ голосъ повторяетъ:

— „Гвардафуй... Гвардафуй... Гвардафуй... Пролить Бабъ-эль... Бабъ-эль-мандеб... Бабъ-эль-мандебскій“...

О, Господи! доносится изъ кухни сочувственный голосъ старой бабки,—вѣдь какія слова нынче мудренныя пошли.

— Учись, учись, а—то жрать не дамъ! поощряетъ ее мать.

На другой день слышенъ опять ея голосъ:

⁸⁾ Новое Время 1905 г. № 10499, фельетонъ: „Сумбуръ“, Старый Джонъ.

— „Параллелограмъ abcd равенъ“...
— Вѣдь вотъ поди-жь ты,—философствуетъ бабка:—сказать въ деревнѣ, что у тебя дочь можетъ такъ по иностранному—никто не повѣритъ.

— Не повѣритъ! съ радостью говорить кухарка.

— А ну-ка,—поощряетъ бабка:—разскажи, Варька, чему сегодня училась.

— Мифологіи, бабушка.

— Какъ, какъ?

— О томъ, какъ боги прежде были. Вотъ что въ Лѣтнемъ саду которые. Когда они жили, такъ какъ у нихъ что было. А только они не жили, потому что греки и египтяне были язычники, и были въ заблужденіи, пока не пришло хрістіанство.

Бабушка мнѣ пожаловалась:

— Батюшка, о богахъ учать! Ужь вы скажите, чтобъ не смѣли...

Я позвалъ Варьку.

— Покажи учебникъ.

Показываетъ. Смотрю: „Политеизмъ, Афродита, Медей“... „Демось, олигархія... гегемонія“.

— Понимаешь?

— Нѣтъ, не понимаю.

Поѣхалъ къ начальницѣ городского заведенія.

— Скажите, вы всегда ихъ начинаете этимъ?

— Да вѣдь программа. Развѣ мы можемъ внѣ ея?

— А чѣмъ горло лечить, ежели у нея заболитъ, она знаетъ?

— Этого въ программѣ нѣтъ.

— Такъ что компресовъ ставить не учите?

— Да вѣдь у насъ не фельдшерскіе курсы.

— И ежели палець порѣжутъ, такъ остановить кровь не умѣютъ?

— Не умѣютъ.

— И съ гигиеной не знакомы?

— Гдѣ же, въ младшихъ классахъ...

— Однако параллелограмъ?

— Такъ вѣдь геометрія обязательна.

— За коимъ чортомъ?

— А это вы у начальства спросите.

Я дѣйствую по программѣ.

Воротился домой. Пошелъ нарочно въ кухню. Варька чуть не плачетъ.

— Чего ты?

— Трудно.

— Что трудно?

— По Закону Божию имена трудныя.

— „Опять о богахъ!“—ворчитъ бабка.— „О, Господи!“..

Скажите на что это похоже? А вѣдь это „первая ученица“ городской школы... Вѣдь это познанія, ради которыхъ забывается, даже изгоняется, „единое на потребу“... Вѣдь это обученіе по новѣйшему методу и по „наилучшимъ“ учебникамъ. И такъ вездѣ во всѣхъ школахъ. Мы не будемъ голословны. Вотъ вамъ на примѣръ гимназистъ, гимназистъ наиболѣе „совершенный“, съ его познаніями.

„Онъ принимаетъ на вѣру все, что ему преподносятъ преподаватели, и одинаково вѣритъ и въ непреложность логарифмическихъ вычисленій, и въ пещь вавилонскую. Онъ съ одинаковымъ восхищеніемъ упивается и исторіей иконоборства, и равнодѣйствующей двухъ силъ. Учителя имъ очень довольны, и, я думаю, онъ кончитъ съ золотой медалью. Иногда онъ приходитъ ко мнѣ въ кабинетъ, какъ Вагнеръ къ Фаусту, и спрашиваетъ:

— Дядя, что бы мнѣ почитать хорошее?

— Видишь, десять тысячъ книгъ стоитъ, бери любую.

— Не люблю я по собственному выбору.

Послѣ долгихъ потугъ, онъ откуда-нибудь съ верхней полки вытянетъ книгу: „Нѣсколько замѣчаній на возраженіе профессора Ханькова по по-

поводу раскопокъ, сдѣланныхъ въ 1849 году академикомъ Леромъ“, и начнетъ дѣлать изъ нея выписки. Ну, словомъ, идеаль учашейся молодежи!

На-дняхъ вижу у него въ рукахъ здоровенный томъ не моей библіотеки.

— Это откуда у тебя?

— Учитель далъ. Превосходное сочиненіе по исторіи Греціи. Говоритъ, что если я прочту, то онъ, не спрашивая меня, всегда пять будетъ ставить. Новое, только недавно вышло.

Мнѣ показалось интереснымъ, чѣмъ кормятъ молодежь, тѣмъ болѣе, что издатели на первой страницѣ изобразили: „Для самообразованія“.

Я усѣлся поудобнѣе на диванѣ и спросилъ.

— Ты много прочелъ?

— Нѣтъ, только начинаю первую главу.

— А ну-ка, милый, почитай вслухъ, я подремлю.

Аркаша обрадовался, откашлялся, волосы пригладилъ и сѣлъ къ свѣту.

— „Путь изъ Россіи въ Грецію,— началъ онъ, — идетъ по Черному морю, которое древніе называли Понтомъ Эвксинскимъ, т.-е. моремъ гостепримнымъ,—украшающій и довольно снисходительный эпитетъ, которымъ греки эвфимистически?...

Дядя, что значитъ эвфимистически?

— Да вѣдь ты греческій языкъ знаешь? Какъ же тебѣ не стыдно спрашивать?

Онъ густо покраснѣлъ.

— Eufimisteio, —забормоталъ онъ и вдругъ прибавилъ:—для самообразованія, дядя, реалисту этого читать нельзя.

— А, ну-ка, дальше,—предложили я.

— „... которымъ греки эвфимистически хотѣли обозначить его, какъ негостепримное“...

— Пстой, пстой! Его назвали го-

степриимнымъ, чтобы обозначить какъ негостеприимное?

— Да.

— Дальше.

— „Слѣдуя къ югу по извилинамъ его большею частью плодоносныхъ и красивыхъ береговъ, которые“...

— Фу, ты! Третій разъ „которые“.

— „...которые, правда утратили много своихъ прелестей подъ владычествомъ османовъ, вскорѣ можно увидѣть, какъ поднимаются отроги Гѣма, доставляющіе мореплавателямъ живописные виды разнообразнаго рода“...

Я вскочилъ съ дивана.

— Ты врешь, Аркадій, тамъ этого не можетъ быть!

— Ей-Богу, дядя. Писалъ нѣмецкій докторъ исторіи и переводилъ русскій профессоръ.

— А дальше что?

— „...Босфоръ, ширина котораго во многихъ мѣстахъ не превышаетъ пяти-сотъ шаговъ“...

— Какъ шаговъ? Вѣдь это проливъ?.. Ходить пѣшкомъ нельзя...

— Ну, право же, дядя... Вотъ тутъ дальше... Справа—Европа, слѣва богатая пальмами Азія.

— Чѣмъ богатая?

— Пальмами.

— Гдѣ, на Босфорѣ? Душа моя, тамъ на азіатскомъ берегу ни одной пальмы нѣтъ. Сосны—есть, кипарисы есть.—какія пальмы! Дай-ка сюда книжицу.

Началъ читать. Такія странныя опредѣленія. Напримѣръ: „При устьяхъ Неста находилась Абдера, извѣстная глупостью своихъ жителей“... Смотрю на титулъ: докторъ и профессоръ. Въ предисловіи профессоръ пишетъ: „редакторъ не щадилъ усилій къ тому, чтобы сдѣлать книгу правильно переданною и легко читаемою“...

Развертываю наудачу главу: „Азія, колыбель человѣчества, была и сѣда-

лицемъ древнѣйшей культуры“... „На воинскихъ упражненіяхъ Алкивіадъ оказывался однимъ изъ первыхъ, и черную похлебку, казалось, онъ ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, что какъ бы онъ родился въ Эвротѣ“...

Я захлопнулъ самообразовательную исторію.

— Вамъ не нравится эта книга, дядя? съ сожалѣніемъ спросилъ Аркадій.

— Да, племянникъ, скажи учителю, что его профессоръ „передавалъ“ сію книгу съ такимъ искусствомъ, что какъ бы онъ родился волостнымъ писаремъ.

— Хорошо, дядя, я скажу.

И сказалъ.

Я спрашиваю:—Что же сказалъ учитель?

— Онъ, дядя, сказалъ: „Развѣ?“ Самъ онъ книгу не читалъ.

Но Аркадій одолѣлъ все-таки всю тарабарщину „Эллады“. Какъ-то послѣ обѣда я устроилъ благородный турниръ знанія. Позвалъ Варю, и предложилъ Аркадію ее проэкзаменовать.

Это было очаровательное зрѣлище. Варя, съ горящими глазенками, проглотившая всю древнюю исторію, съ необыкновеннымъ достоинствомъ отвѣчала на всѣ вопросы, столь необходимые, по мнѣнію руководителей просвѣщенія, для „начальнаго образованія“.

А знаешь ты, кто былъ Прокрустъ?—спрашивалъ Аркадій.

— Вытягиватель!—не сморгнувъ отвѣтила она.

— Почему „вытягиватель?“ удивился Аркадій.

— У насъ такъ въ учебникѣ сказано.

— Гм... Этого даже въ „Элладѣ“ нѣтъ. Въ „Элладѣ“ сказано, что онъ „у длинныхъ лишнее отсѣкалъ“, и что Фезей убилъ его и „потрясателя“ Пе-

рифѣта не мечомъ своимъ, а „ихъ собственнымъ орудіемъ“...

— Какимъ же это? спросилъ я.

— Объ этомъ ничего не говорится.

Но особенный восторгъ и въ Аркадіи и въ бабкѣ, стоявшей за дверью, вызвала Варвара, когда къ довершенію спектакля ей было предложено рассказать о военныхъ трибунахъ съ консульской властью. Къ сожалѣнію, она принуждена была зажмурить глаза, — иначе не вытанцовывалась послѣдовательность изложенія. Но за то какъ она говорила! Особенно мнѣ понравился періодъ:

„Отъ поры до времени консулы производили оцѣнку или цензъ имущества гражданъ и устанавливали порядокъ въ центуриатныхъ комиціяхъ: этого права не получили военные трибуны“...

— А что такое центуриатная комиція?—спросилъ я.

Она зажмурилась.

— Консулы давали обвиняемому право провокаціи къ центуриатнымъ и трибуннымъ комиціямъ.

— А ты знаешь, что такое полицейскій участокъ?—спросилъ я внезапно.

— Куда пьяныхъ по праздникамъ сажаютъ. Только у насъ этому не учили. А вчера дворники тащили туда мастерового, и лупили же его! Мы за ворота всё вышли. До крови его били, рубашку розорвали...

— Весело было?

— Страсть какая толпа собралась. Онъ два раза вырвался, у городского жгута сорвалъ. Потомъ его такъ за-мертво поперегъ дрожекъ положили, трое на него сѣли и повезли. Говорятъ, сколько реберъ поломали!

А ты знаешь этого мастерового?

— Съ его дѣвочкой я вмѣстѣ въ училищѣ, она у насъ первая ученица. Мать у нея страсть сильная. Какъ

онъ придетъ домой, они его повалятъ на полъ и бьютъ, чѣмъ попало.

— Отца-то?

— Извѣстно, отца. Потому онъ все пропиваетъ. Дочерніе сапоги пропилъ новые, она въ резиновыхъ однѣхъ калошахъ въ классы пришла, ее за это наказать хотѣли“...

Вотъ общая картинка дѣтской школьной выучки. Во всемъ этомъ современномъ просвѣщеніи что-то дикое, сумбурное, какойто кошмаръ. Цѣлые годы просиживаютъ дѣти надъ книгами... цѣлые годы учатъ они всякій вздоръ. — „Ихъ заставляютъ, справедливо негодуешь авторъ этихъ правдивыхъ, но грустныхъ картинокъ изъ дѣтской жизни, измѣрять параллелипипеды, навязываютъ тринадцатилѣтней дѣвчкѣ знаніе о военныхъ трибунахъ и языческихъ богахъ... и только одному не научаются они въ школѣ— любви къ ближнему, такъ какъ этому не удѣляется времени. Ни одного живаго, имѣющаго непосредственное отношеніе къ жизни, знанія... За то они знаютъ Новуходносора, логориѣмы, названіе всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ и прочую требуху, которая вываливается изъ головы послѣ перваго экзамена... Развѣ не насмѣшка надъ здоровымъ смысломъ всѣ программы нашего воспитанія? Мы не соображаемся ни съ нашей страной, ни съ требованіями самой непритязательной логики. Мы даемъ камень вмѣсто хлѣба, мы всячески давимъ всякое стремленіе въ молодомъ существѣ къ истинному знанію“...

Да, это глубокая правда, порожденная печальной правдой школьнаго обученія, не знающаго ничего, кромѣ механизма заучиванія непонятныхъ именъ, никому и ни на что не пригодныхъ... Развѣ это не тиранія надъ дѣтской душою?! Развѣ это не убіеніе

невинныхъ дѣтскихъ душъ, которыя въ доброе старое русское время такъ заботливо просвѣщались свѣтомъ вѣры и нравственности съ первыхъ шаговъ грамотности?! Какъ сможетъ разобраться современный школяръ, когда ему преподносится подавляющая масса учебныхъ и неучебныхъ книжекъ?! И вѣдь это вопросъ не одной только вѣры, а и ариѳметики... Каждая „интеллигентная“ издательская фирма, даже каждый учебникъ проводить свою излюбленную тенденцію... Даже по поводу книгъ для чтенія и учебниковъ появляется масса объяснительныхъ увѣсистойыхъ каталоговъ⁹⁾... И попробуй—разберись въ нихъ, когда нѣтъ объединяющаго и одухотворяющаго ихъ начала, чѣмъ такъ дорожили старорусскіе грамотеи, знавшіе, по крайней мѣрѣ, твердо одно, что „начало премудрости есть страхъ Господень“...—И вотъ задумывается простой русскій школьникъ или простецъ-читатель, когда ему приходится натолкнуться на какую-нибудь объемистую книгу,

⁹⁾ Достаточно просмотрѣть хотя нѣсколько каталоговъ за годъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ издательскія фирмы и рецензенты книгъ рекламируютъ излюбленные изданія, какое обиліе бумаги тратится лишь для одного только того, чтобы дать понять грамотею, какія книги онъ долженъ прочесть. Вотъ, на примѣръ, „Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія“, Флорова 1905 г. Въ немъ VIII+523 стр.! А вотъ и еще указатели: „Книги для дѣтскаго чтенія“ Н. В. Чехова, 1905 г. 168 стр.; „Дѣтская и народная литература“ нѣсколько вып. каждый болѣе 100 страницъ. Ну скажите можно-ли перечитать даже хотя одни каталоги о навязываемыхъ внигахъ—прочитать не только простому грамотею, но и его руководителю?! Вотъ почему нельзя не одѣнвить благоразумія древней Руси, читавшей лишь то, что было объединено религиозно-нравственнымъ идейнымъ содержаніемъ, которое такъ сказать сконцентрировало предъ читателемъ извѣстную серію книгъ опредѣленнаго характера и настойчиво рекомендовало ихъ сознанию читателя.

напримѣръ, объ электричествѣ или на эволюціонную исторію земли и человѣка, Богъ вѣдаетъ, какими судьбами, попавшую въ школьную бібліотеку. „Для чего учатъ тамъ (въ школѣ) какой-то іеоргафіи — сколько верстъ до солнца, до мѣсяца, али до звѣздъ? Нѣшто можно узнать Божью планиду? — когда ежели и того, что подъ ногами—и того не знаетъ“¹⁰⁾—недоумѣваетъ онъ предъ попыткою объясненія планетъ и ариѳметическаго вычисленія разстояній ихъ отъ земли безъ указанія на творческій промыселъ...

А въ результатѣ всѣхъ этихъ школьныхъ заучиваній и чтенія различныхъ „приспособленныхъ“ къ дѣтскому пониманію книгъ—преждевременное разочарованіе въ жизни и полный разладъ съ ней. И каждая новая смѣна поколѣнія даетъ большій и большій процентъ дѣтей, перестающихъ быть счастливыми дѣтьми въ самую беззаботную пору жизни... Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли не жалѣть о дѣтяхъ, если теперь стали возможны такія, невысказанные въ прежнее время, картинки изъ дѣтской жизни? Вотъ одна изъ нихъ¹¹⁾. 30 Апрѣля текущаго года въ одномъ мѣстечкѣ состоялось „собраніе“ дѣтей очень шумное, очень многочисленное, и, что главное, очень рѣшительное.

Старшему изъ членовъ этого оригинальнаго собранія было 10 лѣтъ, большинство „бунтарей“ состояло изъ 5 и 6 лѣтнихъ младенцевъ.

„Обсуждалось“ положеніе дѣтей, слишкомъ сильно зависящихъ отъ взрослыхъ. Предлагались мѣры къ ограниченію родительской и учительской власти, и въ концѣ концовъ раз-

¹⁰⁾ См. Русск. Обозр. 1893. Сент., стр. 442 г.

¹¹⁾ О ней сообщаетъ газета Иверія. См. объ этомъ также газету „Свѣтъ“, 1905 г. № 124.

дался голосъ малыша-оратора, котораго товарищамъ пришлось поднять на руки, для того, чтобы всѣ могли видѣть и слышать маленькаго Демосѳена.

Подхваченный, такимъ образомъ, общими усиліями наиболѣе „крупныхъ“ изъ сотоварищей „бунтарей“, и доминируя толпу на рукахъ своихъ слушателей, маленькій ораторъ сказалъ слѣдующія „знаменательныя слова“.

„Братья и товарищи! У насъ много враговъ, они хотятъ насъ поглотить, но мы ихъ встрѣтимъ молодцами! Да здравствуетъ братство и свобода!“

Собраніе пятилѣтнихъ революціонеровъ! Рѣчи съ высоты товарищескихъ плечъ!

Это тотъ крайній предѣлъ, тѣ геркулесовы столбы „передоваго движенія“, дальше которыхъ идти ужъ положительно некуда!

Вотъ гдѣ справедливо воскликнуть: „Дожили! Сподобились!“

Еще только, можно сказать, загорается заря перваго дѣтства, а уже въ дѣтяхъ созрѣла полная ненависть къ учителямъ и родителямъ, о которой они и не считаютъ нужнымъ скрывать. Правда, хочется вѣрить, что, быть можетъ, здѣсь простая дѣтская шалость: вѣдь играютъ же дѣти въ пьеницы... Но шалость эта, по нашему, характерная. А вотъ уже и не шалость. Ковенскіе гимназисты, прощаясь съ своими наставниками, въ лицѣ одного гимназиста, сказали имъ на прощаньи такую рѣчь ¹²⁾:

„Я скажу вамъ, господа педагоги, нѣсколько словъ отъ имени большинства моихъ товарищей. Восемь лѣтъ вы намъ читали поученія, позвольте и намъ хоть одинъ разъ сдѣлать тоже.“

„Восемь лѣтъ тому назадъ мы всту-

пили въ стѣны этого заведенія веселыми жизнерадостными мальчиками, готовыми на высокіе порывы, съ чистой, открытой для всего хорошаго, душой. Мы жаждали свѣта, любви и ласки; но вмѣсто хлѣба намъ дали камень; и вотъ, теперь, по истеченіи 8-ми, а для многихъ и болѣе лѣтъ, мы выходимъ изъ стѣнъ этого учебнаго заведенія, лишеныя вѣры въ себя и людей, измученные долготѣней борьбой съ вами, не приобрѣтя никакихъ положительныхъ знаній, съ горькимъ сознаніемъ, что мы бесполезно потеряли столько лучшихъ лѣтъ нашей жизни. Мы не выносимъ изъ нашей гимназической жизни ни одного свѣтлаго воспоминанія. Ни одинъ свѣтлый лучъ не освѣщаетъ этого темнаго царства невѣжества и попранія правъ личности. Уходя отсюда, мы всѣ проникнуты однимъ чувствомъ, это чувство — ненависть къ общимъ условіямъ жизни, создавшимъ учебныя заведенія такого типа“... Жалкіе гимназисты! Бѣдныя наставники!

И сколько бы не пересоздавали строй школы „просвѣщенные“ радѣтели народнаго образованія, они не сблизятся съ православнымъ людомъ и его дѣтьми, если не укрѣпятъ прочной связи съ ними на началахъ хрістіанской любви, если не внесутъ въ дѣтскія души началъ вѣры и нравственности, если съ первыхъ шаговъ обученія не озарятъ ихъ свѣтомъ добра и правды. Механика убиваетъ живую душу ребенка. Повышенная познавательная работа естественно оттягиваетъ незримые духовные соки, необходимые для развитія природныхъ добрыхъ дѣтскихъ наклонностей воли и сердца. Но этого не замѣчаетъ большинство педагоговъ новаторовъ, силящихся урвать у дѣтей и тѣ немногіе дорогіе часы, которые такъ нужны для раз-

¹²⁾ Свѣтъ, № 174.

витія и укрѣпленія въ нихъ добрыхъ религіозно-нравственныхъ привычекъ. И неудивительно, если теперь такъ ощутительно чувствуется горечь пло-

довъ современнаго воспитанія, о которыхъ не знала еще недавняя Русь...

Д. Введенскій.

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА, КАКЪ ШКОЛА БУДУЩАГО.

„Иисусъ сказалъ имъ: Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда“.— Иоанна VI, 35.

„Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей“— Иоанна VII, 37.

„Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“.— Иоанна VIII, 12.

Для всякаго труженика на Божіей нивѣ прежде всего важно знать, во имя чего онъ работаетъ, жертвуетъ своими лучшими силами, напрягаетъ волю, мысль и чувства въ ежедневной работѣ. Человѣку, несущему тяжелое бремя труда и лишены во имя высокой идеи, нужна крѣпкая вѣра въ справедливость, истину и красоту своего дѣла, въ его неотложную необходимость для святаго дѣла жизни. Время отъ времени и ему полезно оглянуться на свою жизнь, чтобы поддержать и укрѣпить свою вѣру сознаниемъ честно пройденнаго трудового пути, почерпнуть въ прошломъ живые уроки для будущаго...

Главная цѣль церковной школы состоитъ въ томъ, чтобы, по мѣрѣ силъ и возможности, способствовать устройству Царства Божія на землѣ, которое, по Апостолу, „есть правда, миръ, и радость о Духѣ Святы“,—содѣйствовать спасенію душъ людскихъ отъ грѣховной тьмы, пороковъ и беззаконій святою проповѣдью слова Божія и насажденіемъ истинныхъ знаній, исходящихъ отъ Бога и къ Богу влекущихъ. Поэтому „всякая книга и

всякая наука должны быть только богословскими, потому что предметомъ своимъ они имѣютъ или Бога, или творенія Божіи; создаетъ ихъ умъ человѣка, данный ему отъ Бога. И задача всякой науки—уготовать *лучшій путь* къ жизни въ Богѣ“¹⁾.

„Блажени испытующіи свидѣнія Его, всѣмъ сердцемъ възвѣдаютъ Его“ (Псал. 118, ст. 2). „Истинное просвѣщеніе состоитъ въ развитіи всѣхъ силъ души,—развитіи стройномъ, гармоническомъ. Человѣку даны: умъ,—для того, чтобы онъ познавалъ своего Творца, сердце,—чтобы любилъ Его, воля,—чтобы жилъ въ Богѣ. Въ строгомъ взаимодействіи этихъ силъ и совершается наша духовная жизнь. Познавая высокія совершенства Божества, мы проникаемся любовью къ Нему. Любя Его, мы стремимся имѣть возможно полное вѣдѣніе о Томъ, Кого любимъ. Познавая и любя Бога, мы питаемъ въ душѣ готовность жить по святой волѣ Его.— *Не любяй, не позна Бога* (Иоанна IV, 8).— *Аще любите Мя, заповѣди Моя*

1) „Рѣчи Епископа Пареенія Подольскаго“, стр. 9.

соблюдите (Іоанна XIV, 15).—Только въ словѣ Божіемъ — непрерываемая вѣчная истина.—*Святѣ ихъ во истину Твою*, молился Господь Отцу Небесному объ ученикахъ Своихъ,—*слово Твое истина есть* (Іоанна XVII, 17). По выраженію Псалмопѣвца, — слово Божіе есть свѣтъ для очей нашихъ и путь стезямъ нашимъ (Пс. XVIII, 9; 118, 105)²⁾. Въ частности стремленіе къ просвѣщенію является стремленіемъ къ истинѣ.

„Свойство истины то, что она успокоиваетъ душу, даетъ душѣ миръ, потому что отвѣчаетъ запросамъ ея. Истина—атмосфера души; ею она дышетъ и живетъ“³⁾.

Школа должна возбудить и развить въ душѣ всѣ лучшіе помыслы и чувства, вложенныя въ нее Творцомъ; должна указать человѣку истинный путь жизни, укрѣпить волю въ добръ, яркимъ лучомъ Божьяго свѣта озарить жизнь; должна направить всю душу воспитанника ко всему святому и высокому, чтобы она, достигши возможной для нея святости и совершенства, поистинѣ являлась храмомъ Божіимъ, жилищемъ Духа Божія.

Но для достиженія такой высокой, святой цѣли должны существовать и особыя средства. Такія средства имѣются въ Св. Церкви Православной; и главнѣйшимъ изъ нихъ является наше дивное, вдохновенное церковное богослуженіе. Заклучая въ себѣ неисчерпаемые родники высочайшей поэзіи, силы и поучительности, оно является однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для развитія доброй молитвенной настроенности въ сердцахъ учащихъ. Всякій, кто не однажды вникалъ душой въ содержаніе церков-

ныхъ канонѣвъ, тропарей и другихъ церковныхъ пѣснопѣній, по личному опыту знаетъ, какая это красота, глубина, какое это наслажденіе. Ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть въ свѣтской художественной литературѣ, которая печется больше о земномъ и, подчасъ, сознательно сторонится небеснаго... Притомъ же—каноны, стихиры, тропари воспѣваютъ дѣйствительныхъ людей, нѣкогда жившихъ и ярко свѣтившихъ во тьмѣ своею свѣтлою, праведною жизнью, и въ этомъ отношеніи значеніе ихъ для каждаго православнаго труженика громадно. Вѣдь и мы въ жизни должны стремиться къ святости, ко всему, что Божье; на этомъ пути—единственно-вѣрномъ и праведномъ—намъ, грѣшнымъ, лицемѣрнымъ, озлобленнымъ, холоднымъ къ дѣлу Божію, сребролюбивымъ, гнѣвнымъ, опутаннымъ мелочною гордостью и низкими страстями, особенно важно и необходимо знать, въ чемъ истинная святость, правда и красота жизни—и какъ достигъ ихъ въ своей дѣятельности... Прямымъ продолженіемъ и какъ-бы дополненіемъ церковнаго богослуженія являются житія святыхъ, представляющія намъ величайшіе образцы жизни въ Богѣ и для Бога, и, главнымъ образомъ, св. Писаніе. Въ житіяхъ святыхъ человѣкъ каждаго сословія и положенія найдетъ образцы для своей жизни и дѣятельности. Между святыми, свѣтившими міру своею любовью и живымъ благочестіемъ, встрѣчаются и цари, и епископы, и иноки, и лѣкари-цѣлители, и богачи, и юродивые, и земледѣльцы... И всѣ они почерпали свою душевную силу въ словѣ Божіемъ и въ Святой Церкви Православной... Никакое, даже самое искуснѣйшее, самое талантливое, произведеніе литературы художествен-

²⁾ Тамъ же, стр. 4—8.

³⁾ Тамъ же, стр. 5.

ной не можетъ произвести такого *полнаго* и *цѣльнаго* впечатлѣнія, какъ любое житіе святыхъ. Литературное произведеніе, даже наиболѣе сердечное, проникнутое любовью къ брату—человѣку, все таки въ значительной степени вымыслено, а тутъ—*живое лицо*, яркая, святая личность, доказавшая своей жизнью силу и правду своей вѣры и своей любви... Вспомнимъ слова Апостола: „Если я имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто“ (1 посл. къ Коринѣ., гл. 13, ст. 2).

Любовь, это—то, что оживотворяетъ вѣру и дѣлаетъ ее плодотворной для дѣла жизни... Особенно выразительны въ семъ отношеніи житія св. Филарета Милостиваго, св. Николая, Мврликійскаго чудотворца, св. Алексія, человѣка Божія, св. Филиппа, Митрополита Московскаго, св. Тихона Воронежск., св. Серафима Саровск., и мн. др.

Но и святые не явили въ себѣ вышшаго предѣла совершенства. Этотъ предѣлъ воплотился лишь въ Лицѣ Того, Кто говорилъ о Себѣ: „Я есмь. путь, истина и жизнь“. Какое счастье сознавать, что на грѣшной, залитой кровью и оскверненной грѣхами колѣннй, землѣ, нѣкогда жила Сама воплощенная Премудрость и Любовь Божія, Самъ Спаситель міра Христосъ, нашъ Учитель, нашъ Врачъ, наше Счастье, наша Радость, наше Солнце, наша Правда, наше Упованіе... Его земная жизнь, Его Божественное ученіе, Его смерть и воскресеніе являются неизсякаемымъ и безграничнымъ источникомъ высочайшей святости, любви и совершенства, и заключаютъ въ себѣ всѣ данныя для вѣчнаго творческаго устроенія жизни по законамъ Божиимъ, для новаго и новаго об-

новленія ея по завѣтамъ евангельскимъ...

„Требованія нравственной идеи христіанства состоятъ въ томъ, чтобы съ страстною и дѣятельною любовью къ ближнему проникать въ самыя мрачныя убѣжища нищеты и порока; чтобы всѣ страны земли напоить оплодотворяющимъ потокомъ безграничнаго человеколюбія и обнять всѣ отдѣлы человечества въ кругъ тѣснаго и дѣятельнаго сочувствія; чтобы ослаблять преграды, отдѣляющія одинъ классъ людей отъ другаго и одну націю отъ другой; освободить войну отъ ея свирѣпыхъ элементовъ; пробудить сознаніе нравственнаго равенства и истиннаго братства между людьми и дать этому сознанію господство надъ всѣми случайными различіями общественнаго положенія; воспитывать любовь къ истинѣ ради самой истины, духъ искренности и терпимости къ тѣмъ, съ кѣмъ мы не соглашаемся... Знаніе холодное и бесплодное, удовлетворяющее только любопытству, тѣмъ болѣе знаніе надменное и кичливое, поощряющее только тщеславіе, знаніе, обращенное въ краугольный камень для гордости,—такія знанія не получаютъ одобренія съ точки зрѣнія христіанства. Но христіанство поощряетъ знаніе, которое есть другъ истины („Истина свободитъ вы“), является добрымъ совѣтникомъ человѣку въ дѣлѣ его духовнаго преспѣванія, выступаетъ воителемъ за истину, слугою добра и правды... Христіанство освободило человѣка отъ унижительнаго рабства передъ стихіями міра и отъ подавляющаго вліянія природы... Христіанство указало на временную жизнь, какъ только на *приготовительную* ступень къ вѣчной жизни... Христіанство учитъ о братствѣ всѣхъ людей и народовъ. Самъ Икупитель въ Своей

послѣдней молитвѣ на землѣ выразилъ моленіе, „да вси едины будутъ“... Что касается сферы общественныхъ отношеній людей, то эти отношенія христіанство такъ укрѣпило, подняло, облагородило и улучшило, какъ и не снилось древнимъ языческимъ мудрецамъ... Язычество оказывало пренебреженіе къ дѣтямъ, продавало ихъ въ рабы сотнями; Христіосъ поставилъ ихъ типомъ любви и смиренія и обрекъ каждого соблазнителя и развратителя ихъ невинности на участь горчайшую утопленія въ морѣ съ мельничнымъ камнемъ на шеѣ. Христіанство, всегда напоминая, что Самъ Господь и Владыка избралъ на землѣ уничиженное званіе простого ремесленника, снялъ клеймо незаслуженнаго позора со всякаго честнаго труда, къ какой-бы отрасли онъ не принадлежалъ... Трудиться и молиться—стало девизомъ христіанской жизни“⁴⁾...

Вотъ каковы историческія заслуги и вѣчныя нравственныя дѣла христіанства, его провиденціальное, божественное назначеніе! Отсюда уже не трудно вывести тѣ основныя положенія, которыми должна удовлетворять наша церковная школа. Конечно, въ данный моментъ она далеко не соотвѣтствуетъ начертанному здѣсь идеалу. Въ современной церковной школѣ замѣтны въ нѣкоторой степени и присущая всѣмъ общеобразовательнымъ школамъ погоня за одностороннимъ развитіемъ ума, и перевѣсъ сухихъ книжныхъ знаній надъ живымъ и дѣйственнымъ воспитаніемъ дѣтскаго сердца въ духѣ христіанской любви, милосердія, состраданія, и взаимныя отношенія учащихся въ церковныхъ школахъ оставляютъ

желать много лучшаго. Но все это—явленія преходящія, легко излѣчимыя; главный стержень, на коемъ держится великое церковно-школьное дѣло, крѣпокъ и здоровъ, ибо основанъ на правдѣ евангельской... Остальное само собою приложится намъ⁵⁾...

Будущая церковная школа должна дать народу истинное, а не мишурное, кичащееся собою, знаніе, знаніе *богословское*,—должна возбудить и укрѣпить лучшія чувства и стремленія народа, вызвать къ жизни все то чистое, святое, высокое, что заложено въ каждой человѣческой душѣ, въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ, и тѣмъ по возможности приблизить жизнь къ нравственной высотѣ царствія Божія, —смягчить взаимныя отношенія людей—братьевъ, утереть слезы обиженнымъ и оскорбленнымъ, дать просвѣтъ погрязшимъ „на днѣ“ жизни, вывести ихъ на Божій просторъ, указать людямъ истинный путь къ жизни въ Богѣ и укрѣпить на немъ, укрѣпить такъ, чтобы „врата адовы не одолѣли ихъ!“... „Облецытеся убо, —говоритъ Апостоль Павелъ, —якоже избранніи Божіи, святы и возлюбленни, во утробы щедротъ, благодать, смиренномудріе, кротость и долготерпѣніе“ (Кол. 3, 12). Какая святая, дивная, чарующая задача, какая свѣтозарная свѣтлая даль, какой могучій, ни съ чѣмъ другимъ несравнимый стимулъ для самой высокой, самой возвышенной и самой плодотворной дѣятельности! И все это будущая церковная школа сдѣлаетъ не путемъ насилія и произвола, не бичемъ и тюрьмами, а единственно любовью, которая, по Апостолу, „долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится,

⁴⁾ Христіанская апологетика, Н. П. Рождественскаго, т. II, стр. 397—405.

⁵⁾ См. сборникъ „На Божьемъ пути“, стр. 117—126.

не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣрять, всегда надѣется, все переноситъ; никогда не перестаетъ, хотя и пророче-

ства упразднятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится“.

Такой-ли цѣли не отдаться всей душой, всѣмъ сердцемъ, ей-ли не посвятить всю жизнь *свою безъ остатка? Такъ, Господи! Ей и аминь!

С. Козубовскій.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

15 Ноября. Занятія идутъ быстро своимъ чередомъ. Ребятишки посѣщаютъ школу все таки дружно. Одно препятствуетъ намъ—это наступающіе холода, а правильнѣе—отопленіе школы, отопленіе небрежное, скудное, плохое. Хотя общества села Абашева и назначаютъ на сей предметъ порядочную сумму истопнику, но послѣдній, къ сожалѣнію, недобросовѣстно исполняетъ взятую на себя обязанность по отношенію къ школѣ, стараясь нагрѣть болѣе свой карманъ, чѣмъ классную комнату. Я же съ учениками вслѣдствіе этого вынужденъ бываю заниматься при 4—5 градусахъ тепла по Реомюру.

Радость бываетъ великая у насъ, если въ школѣ случится въ холодные дни температура въ 10°.

Тогда все таки можно высунуть руки, но и это случается рѣдко. Большею же частію мы вынуждены бываемъ заниматься въ страшномъ холодѣ: дѣти пишутъ на классной и грифельной доскахъ въ варежкахъ; письменныя же занятія на бумагѣ ведутся очень и очень рѣдко, потому что перьями въ варежкахъ писать не мыслимо, а голыя руки высунуть тоже. Да и чернила-то постоянно мерзнуть ночью до того, что лопаются чернильницы. Только и отрады видимъ мы въ тече-

ніе послѣднихъ часовъ занятій, когда комната немножко согрѣвается отъ собственнаго нашего дыханія.

Хотя все описанное покажется страннымъ и даже невѣроятнымъ тому, кто будетъ читать эти строки, но Господь свидѣтель—не вру.

— „Ну такъ нужно бы мѣры принять къ устраненію этого зла“, скажетъ читатель сего.

— „Принимали“, отвѣчу я: „нѣсколько разъ принимали, обращаясь за содѣйствіемъ къ понужденію истопника аккуратнѣе исполнять взятое имъ на себя обязательство къ мѣстному начальству (нашихъ съ о. завѣдующимъ внушеній, замѣчаній и понужденій истопникъ не слушаетъ), начиная съ самыхъ нижнихъ чиновъ сельской власти—сотскаго и старость. Но послѣдніе тоже съ истопникомъ ничего не могутъ сдѣлать, говоря, что не драться же съ нимъ (въ сущности же здѣсь роль играетъ злобная чарка между старостами и истопникомъ). Обращались мы нѣсколько разъ за содѣйствіемъ и въ мѣстное волостное правленіе, но отвѣтомъ намъ было молчаніе. Я же съ малышами все мерзну и мерзну. Теперь мы вынуждены обратиться за содѣйствіемъ еще къ земскому начальнику. Что будетъ впоследствии—Богъ вѣсть. Да,

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 45.

при подобныхъ условіяхъ заниматься дѣйствительно трудно, но

Ради васъ я, дѣтшки, все это терплю,

Ради васъ не страшна мнѣ невзгода,
Потому что я васъ понимаю, люблю,
Ибо самъ изъ того же народа.

Знаю я весьма тяжкую долю его,
Темноту его грустную знаю,
Потому-то и холодъ терплю за него,
Хожу нагъ и подъ часъ голодаю.

Пусть морозятъ меня, не сочувствуютъ мнѣ!

Я и противъ сего иду смѣло:

Быть поборникомъ свѣта въ родной сторонѣ

Есть святое, великое дѣло!

19 Декабря. Долго я не писалъ дневника. Причиною сему было то, что мнѣ не хотѣлось заносить на его страницы все только одно грустное. Хотя энергія къ занятіямъ ни у меня, ни у ребятъ не ослабѣваетъ, но сказать по совѣсти, занимаемся мы при совсѣмъ невозможныхъ условіяхъ: холодъ, угаръ, пыль, духота при отсутствіи вентеляцій—вотъ постоянные спутники нашихъ занятій. Но что же дѣлать? Прекратить занятія совсѣмъ? Но это уже слишкомъ. Это будетъ для дѣтей страшнымъ несчастіемъ, потому что каждый изъ нихъ любитъ школу, въ этомъ я увѣренъ, любитъ сердечно, не смотря на ея негостепріимный, въ матеріальномъ отношеніи, кровь. Вотъ, вѣдь, скоро и Рождество, а малыши мои всѣ почти на лицо. Что-бы заставило переносить ихъ вмѣстѣ со мною холодъ, угаръ, пыль, если не любовь къ школѣ?

Благодареніе Господу за то, что хотя и при трудныхъ условіяхъ, а все таки кое что прошли, усвоили. Слава Тебѣ, Господи! А въ грядущемъ что будетъ...

20 Декабря. Морозъ ужасный. Школа не топлена совершенно, а потому ночью остальные три чернильницы лопнули

отъ мороза. Въ углахъ класса „бѣлые зайцы“, т. е. прѣмерзи; потолокъ покрытъ густымъ слоємъ инея. Ученья не было.

7 Января. Печально встрѣчаетъ моя школа новый годъ. Сегодня мальчики пришли на занятія, но сторожъ еще вчера отказался топить школу, ссылаясь на то, что „ее въ такой морозъ не натопишь“.

Я вышелъ къ мальчикамъ въ классъ. Видятъ они, бѣдные, что занятій сегодня не будетъ, а потому и за парты не усѣлись, и сумокъ не снимали. А все таки ни одинъ изъ нихъ не ушелъ домой ранѣе моего прихода. Болѣзненно сжалось мое сердце, когда я увидѣлъ прозябшихъ, дрожащихъ дѣтей, тоскливо и печально поглядывающихъ на промерзшія стѣны классной комнаты. Тяжело мнѣ было ихъ отсылать обратно домой, но ничего не подѣлаешь.

— „Дѣти“, сказалъ я: „сторожъ отоплять школу отказался совсѣмъ, поэтому занятій больше не будетъ ни сегодня и, очевидно, ни завтра. Когда же школу будутъ отоплять (но кто и когда, я самъ не знаю), я васъ оповѣщу, а теперь пока ступайте по домамъ“.

Послѣ сихъ словъ мои ребятки неохотно пошли-пошли назадъ, медленно надѣвая на ходу свои шапченки и пощипывая головы. Я остался одинъ въ опустѣвшемъ холодномъ классѣ. Тучею нахлынули на меня грустныя, безотрадныя думы и... и я зарыдалъ, какъ ребенокъ...

Но это не были слезы досады или отчаянія: я тужилъ не о себѣ. Что мнѣ о себѣ горевать? Я весь тутъ. Терять мнѣ нечего. Нѣтъ, мнѣ жаль стало дѣтей. Я самъ прошелъ курсъ сельской школы при подобныхъ условіяхъ, а потому понимаю ихъ жажду къ

ученью, сочувствую, горячо сочувствую имъ и раздѣляю съ ними ихъ печаль, но въ томъ то и вся моя бѣда, въ томъ то и горе, что помочь я имъ рѣшительно не въ состояніи. Объ этомъ я и плачу, о семъ и сокрушаюсь.

Но, на все воля Всевышняго! Пусть будетъ то, чему слѣдуетъ быть.

8 Января. Сегодня хотя и нѣтъ въ моей школѣ ученія, но я не могъ вытерпѣть, чтобъ не посѣтить ее, а потому поплелся въ урочное время въ холодный, промерзшій, неметеный классъ. Но не встрѣтилъ я тамъ, какъ бывало равнѣ, рѣзвой, веселой толпы дѣтей: парты были пусты и ни одинъ звукъ не нарушалъ мертвой тишины школы. Я оперся молча рукою на шкапчикъ, стоящій около окна и опять, какъ вчера, безотрадныхъ мысли словно тяжелый кошмаръ, нахлынули на меня. Я думалъ о прерванныхъ безо времени занятіяхъ и о бѣдныхъ моихъ ученикахъ... Вдругъ слышу на крыльцѣ дѣтскій говоръ и шумъ. Отворяется дверь, входятъ восемь мальчиковъ съ небольшими вязаночками дровъ за плечами. Дрова они принесли „изъ двора“.

Я съ перваго взгляда понялъ, что хотять дѣлать мои малыши. Они молча опустили вязанки около печи, а потомъ всѣ въ одинъ голосъ сказали: „мы истопимъ печку къ завтраму „своими дровами“ и придемъ учиться. Вы станете учить насъ?“

Я тронуть былъ до глубины души этимъ поступкомъ ребятъ и отъ волненія едва-едва выговорилъ утвердительный отвѣтъ...

По этому поступку дѣтей можно, кажется, безошибочно судить о томъ, какова въ нихъ охота къ ученью и любовь къ школѣ.

11 Января. 8-го, 9-го и 10-го Января ребята мои отопляли школу „на свои

средства“, но потомъ, разумѣется, и эти средства истощились, а потому сегодня ученія опять не было.

12, 13, 14, 15, 17, 18, 19 и 20 Января школа не отоплялась.

21 Января. Многократныя наши ходатайства предъ начальствомъ о поужденіи истопника школы къ исполненію своей обязанности наконецъ-то увѣнчались успѣхомъ: сторожъ поужденъ отоплять школу, причемъ надсмотръ за нимъ возложенъ на сельскихъ старостъ с. Абашева, а потому и истопникъ „подтягивается“, т. е. школу отопляетъ. Хотя это отопленіе, такъ сказать, и изъ подъ палки, но тѣмъ не менѣе, заниматься вполне можно, а потому и ученье съ нынѣшняго дня возобновилось.

1 Февраля. Школа отопляется сносно. Занятія идутъ своимъ чередомъ. Пропуски начинаемъ по немногу наверстывать.

25 Февраля. Сегодня я и ученики угорѣли до крайности. Я весь день провалялся...

3 Марта. Занятія идутъ дружно. Школа отопляется сносно.

29 Марта. Слава Тебѣ Господи! Миновало холодное зимнее время, прошли страшные для моей школы холода и морозы. Весна приближается! Солнце свѣтитъ уже не по-декабрьски: теплые лучи его, падая въ нашъ классъ съ южной стороны, согрѣваютъ моихъ ребятъ словно мухъ. Къ послѣднимъ часамъ занятій въ школѣ бываетъ уже очень тепло, только съ утра немного прохладно. Ну, да это ничего! Теперь отопленіе у насъ вольное: солнце ни для кого не скупится разливать свою теплоту и свѣтъ. Оно хотя и „вельможа, но всякому ласка“, какъ сказала одинъ поэтъ. И это истинная правда. Не сочувствовали намъ зимою люди, такъ небесное свѣтило сжалилось надъ нами

и пришло къ намъ на помощь: слово знаетъ оно, что мы работаемъ во имя свѣта, а потому и поддерживаетъ коллегъ. Весело и охотно работается при его благодѣтельномъ теплѣ, а потому и я, и ребята дружно идемъ къ своей цѣли. Школу хотя намъ мести и убирать некому, но это такое пустяшное дѣло, о которомъ и говорить не стоитъ: я мету ее и убираю, по возможности, самъ, а иногда и ребяташки. Вообще, теперь мы воспрянули, и дѣло быстро подвигается впередъ.

12 Апрѣля. Среда Пасхи. Пользуясь свободнымъ временемъ, я почитываю кое гдѣ раздобытыя газеты и вѣдомости. Оказывается, что съ каждымъ годомъ, за послѣднее время, замѣтно все усиливается и усиливается религіозно-нравственное вліяніе церковно-приходской школы на народъ. Къ этой школѣ начали склоняться симпатіи не одного православнаго народа, но и сектантовъ, которые не только не возбраняютъ своимъ дѣтямъ посѣщать ее, а напротивъ,—поощряютъ ихъ къ этому. Какъ доказательство этого отраднаго явленія, и я запишу въ свой дневникъ случай изъ жизни своей церковно-приходской школы. Надобно замѣтить, что добрая половина нашего села заражена расколомъ (бѣглоповщинская секта). Съ первыхъ же лѣтъ открытія нашей школы, а моего поступленія въ нее на должность учителя, я постоянно интересовался жизнію нашихъ раскольниковъ и, по возможности, изучалъ ихъ отношеніе къ православію и вновь открытой церковно-приходской школѣ.

Хотя раскольники и посылали дѣтей своихъ въ эту школу съ перваго же дня ея открытія, но все какъ-то недовѣрчиво, боясь, очевидно, того, что ихъ мальчики заразятся „Никоіанскими новшествами“, какъ они

называютъ исправленныя церковно-богослужбныя книги; поэтому, всѣ родители-раскольники воспрещали своимъ дѣтямъ осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, дѣлать поклоны во время утренней и вечерней молитвъ въ школѣ, а также и подходить подъ благословеніе къ законоучителю.

Молитвы дѣти раскольниковъ хотя и изучали наравнѣ съ православными мальчиками, но читали эти молитвы такъ, какъ онѣ напечатаны въ книгахъ старопечатныхъ. Такъ, напримѣръ, „Богородице Дѣво“ со словомъ „Обрадованная“; въ молитвѣ „Достойно есть“ вмѣсто „безъ сравненія Серафимъ“ читали: „воистину Серафимъ“, а 8-й членъ Символа вѣры читали такъ: „И въ Духа Святаго Господа Истиннаго и Животворящаго“ и т. п. Я при всякомъ удобномъ случаѣ разъяснял, какъ ученикамъ своимъ, такъ и взрослымъ раскольникамъ, что въ православныхъ церковно-богослужбныхъ книгахъ нѣтъ ничего новаго, а тѣмъ болѣе „противнаго и развращеннаго“, какъ они думаютъ, но что все напечатанное, какъ въ этихъ книгахъ, такъ и въ учебникахъ, имѣющихся въ нашей школѣ, вполне согласуется съ ученіемъ Самого Христа Спасителя, Его Апостоловъ и Св. Отцевъ Церкви.

Мальчики-раскольники старшаго и средняго отдѣленій, изучая церковно-славянскую грамоту по Евангелію, Псалтири и Часослову и, понимая смыслъ церковно-славянскихъ словъ, при переводѣ ихъ на русскій языкъ, начинали, мало-по-малу, сознавать, что ихъ начетчики совершенно неправильно считаютъ православныя церковно-богослужбныя книги испорченными и противными здравому ученію Церкви; поэтому стали постепенно привыкать читать молитвы уже по-православному, т. е., такъ, какъ онѣ изложены въ на-

шихъ книгахъ, хотя я учащихся раскольниковъ къ этому никогда не принуждалъ. Бывало на мой вопросъ—почему дежурный ученикъ изъ старообрядцевъ не читаетъ молитвъ по своему, я получалъ отвѣтъ: „это все равно: тутъ нѣтъ никакого грѣха, потому что хотя слова вашихъ молитвъ кой гдѣ и не одинаковы со словами нашихъ, но эта разница заключается только въ буквахъ, а смыслъ одинъ и тотъ-же“, и ученикъ продолжалъ читать по православному молитвослову.

Нынѣшній же день мнѣ привелъ Господь видѣть особенно радостное явленіе изъ жизни моихъ учениковъ-раскольниковъ: сегодня послѣ обѣда заявляются ко мнѣ ученики-старообрядцы старшаго отдѣленія и, остановившись въ прихожей, просятъ позволенія войти въ мою комнату. Я отворилъ имъ дверь. Учениковъ пришло трое. Первымъ вошелъ сынъ самаго главнаго начетчика въ нашемъ селѣ (у котораго выстроена даже моленная) и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: „Христосъ воскрес!“ Я похристосовался съ нимъ, а затѣмъ уже и съ остальными мальчиками. Поздравивъ меня съ праздникомъ, ученики попросили меня выбрать имъ книги для чтенія изъ школьной библіотеки. Во время выбора и записи книгъ въ памятную тетрадь, я завелъ съ мальчиками разговоръ, въ которомъ, между прочимъ, коснулся вопроса о томъ, не воспрещаютъ-ли имъ ихъ родители христосоваться съ православнымъ учителемъ. — „Нѣтъ“, отвѣтили: „мы сначала попросили позволенія у нихъ, а потомъ уже пошли къ вамъ“. „А меня“, добавилъ сынъ начетчика, „отецъ и мать сами даже послали къ вамъ, поздравить васъ съ праздникомъ и поблагодарить за то, что вы насъ учите“.

Описанный мною случай я считаю

отраднѣйшимъ событіемъ изъ жизни нашей, сравнительно недавно возникшей, школы, ибо онъ служитъ несомнѣннымъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что самые закоренѣлые отщепенцы отъ Св. Церкви, цѣлыя столѣтія считавшіе за страшный грѣхъ и оскверненіе не только христосоваться съ православными людьми, но даже входить къ нимъ въ дома и вкушать съ ними пищу изъ одной посуды, теперь стали постепенно приходить въ чувство, т. е. признавать вражду, питаемую ими къ православію въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, неосновательною. Бездна, отдѣлявшая этихъ отпадшихъ собратій нашихъ отъ Св. Церкви, понемногу начинаетъ суживаться и, быть можетъ, недалеко то желанное время, когда хоть молодыя поколѣнія раскольниковъ сроднятся съ православіемъ подъ сѣнію церковно-приходской школы, сознаютъ долгое заблужденіе своихъ предковъ и войдутъ подъ спасительный кровъ Церкви Божіей.

Да, сегодняшній день на долго останется у меня въ памяти: Господь, ради Свѣтлаго Своего Воскресенія, наградилъ меня за всѣ зимнія неудачи и лишенія, наградилъ такую наградою, какую нельзя купить ни за какое количество золота. Эти три дѣтскихъ поцѣлуя съ христіанскимъ привѣтствіемъ на устахъ, какъ провозвѣстники будущаго примиренія раскола съ православіемъ, будутъ и въ грядущемъ для меня залогомъ надежды на благіе плоды тѣхъ трудовъ, которые выпали на мою долю. А потому я еще терпѣливѣе буду сносить всѣ неудачи, препятствія, огорченія и вообще всю тяготу жизни церковно-приходскаго учителя, буду сносить до тѣхъ поръ, пока хватить моихъ физическихъ и духовныхъ силъ и единственно ради тѣхъ немногихъ, но драгоценныхъ для меня

минуть, которыя хотя и рѣдко, но все таки, какъ на примѣръ сегодня, приходится мнѣ испытывать въ жизни.

2 Мая. Сегодня былъ въ моей школѣ экзаменъ. Какъ ни старалась суровая зима препятствовать намъ съ ребятами своими холодами, морозами и метелями, но „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“, говоритъ русская пословица. Остались побѣдителями мы! Труды наши увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Ребятки старшаго отдѣленія показали себя на испытаніи чуть не молодцами: свидѣтельство удостоена вся группа, т. е., 10 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 раскольника.

Какъ было радостно смотрѣть на веселыя лица дѣтей послѣ экзаменаціонныхъ испытаній! Сколько невинной радости свѣтилось въ ихъ глазахъ! Съ какимъ восторгомъ сообщали они присутствующимъ здѣсь своимъ родителямъ о выдержаніи ими экзамена! Забыты ими теперь тяжелые декабрьскіе и январскіе дни испытаній и каждый мальчуганъ веселъ, жизнерадостенъ, счастливъ и доволенъ.

А самъ учитель? Про него и говорить нечего.

3 Мая. Когда я проснулся сегодня, солнце высоко уже взошло, и прекрасное весеннее утро было уже, такъ сказать, во всемъ разгарѣ. Окно моей квартиры было отворено, и свѣжій утренній воздухъ, благоухающій дыханіемъ весны, проникъ въ мою комнату. Изъ ближайшаго сада звонко разливался смѣшанный хоръ птицъ, изъ которыхъ больше всего старались кричать неугомонныя воробьи и грачи; на улицахъ села слышался стукъ колесъ и говоръ мужиковъ, ѣдущихъ сѣять яровой хлѣбъ.

Всюду чувствовалось возрожденіе къ новой жизни, призывъ къ новой дѣятельности. Теперь такое время, что

И человѣкъ, и звѣрь, и пташка—

Всѣ берутся за дѣла.

Только одинъ я въ цѣломъ селѣ бездѣйствую, только одинъ я „почилъ отъ дѣлъ своихъ“; для меня сегодняшній день—суббота въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Но мнѣ, кажется, не грѣхъ и отдохнуть послѣ восьмимѣсячнаго упорнаго труда, да еще труда „съ препятствіями“, при воспоминаніи о которыхъ и теперь, въ это чудное майское утро, морозъ пробѣгаетъ по тѣлу. Но объ этомъ больше ни слова: что было, то бывшемъ поросло. И такъ, мнѣ не грѣхъ теперь отдохнуть и я наслаждаюсь этимъ отдыхомъ: душа спокойна, совѣсть чиста, самъ здоровъ пока, а больше мнѣ ничего и не надо. Теперешнее мое настроеніе вполне гармонируетъ съ прекрасною природою весенняго утра, а потому:

— „Не боли ты, душа, отдохни отъ заботъ!

Здравствуй, солнце, да утро веселое!
(Никитинъ).

— „Прасковья, давай чаю“.

Заканчивая этотъ дневникъ, я осматриваюсь назадъ, въ прошедшее, и, по возможности, восстанавливаю предъ собой картину моей жизни въ связи съ пятилѣтнею учительскою дѣятельностью. Я долженъ сказать по справедливости, что жизнь эта была, правда, не красна: много было на ея фонѣ туманныхъ пятенъ. Эти пятна появлялись какъ вслѣдствіе личнаго моего скуднаго матеріальнаго положенія, такъ и положенія школы, поэтому самъ я среди этой жизни былъ ничто иное, какъ челнокъ „вляяся волнами“. Порою на этотъ челнъ надвигались такія громадныя волны житейской рѣки, что едва-едва не затопляли его, едва-едва не разбивали о твердыя скалы неудачъ, сомнѣній и огорченій. Но проходили жизненные бури, утихали

волны и шквалы, рѣка моей жизни становилась спокойной, и... челночекъ мой вновь плылъ тихо и мирно до новыхъ бурь и новыхъ волнений. Слѣдующія слова святителя поэта (Епископа Гермогена) вполне подходятъ къ моему челноку:

— „Ты видишь? Вотъ вверхъ челнъ,
вотъ въ безднѣ исчезъ...

Вотъ снова поднялся, какъ мертвый
воскресъ.

— „Значить „тяжела и горька твоя доля?“ спросить меня читатель моего дневника.

Да, тяжела-бы она была, отвѣчу я, если-бы не было у меня тихой пристани, къ которой я сплѣшу порою во время надвигающихся на меня бурь, вѣдь

И въ морѣ житейскомъ, и въ жизни
земной

Есть тихая пристань, гдѣ людямъ
покой.

Вотъ тихая пристань—святой Божій
храмъ.

Сюда, мой читатель, сплѣшить нужно
намъ;

Здѣсь, въ горѣ и нуждахъ, всегда
благодать

Готова намъ скорую помощь подать¹⁾.
Еписк. Гермогенъ.

Въ этой тихой пристани держать
мой челнъ якорь: это надежда на луч-

¹⁾ У Еписк. Гермогена первыя четыре строки написаны такъ:

А въ морѣ житейскомъ, а въ жизни земной
Гдѣ тихая пристань? Гдѣ людямъ покой?

Вотъ тихая пристань—святой Божій храмъ.
Сюда, мой товарищъ, сплѣшить нужно намъ.

шее будущее, на грядущія отрадные минуты. Эти минуты были, есть и, надѣюсь, будутъ еще въ моей жизни. Когда онѣ наступаютъ, тогда не страшны болѣе житейскія тревоженія, не пугаетъ критическое положеніе; забываешь, что ты голоденъ, холоденъ, нагъ, ничтоженъ въ глазахъ другихъ, однимъ словомъ—забываешь все тяжелое, неудобноносимое... Легко становится время жизни и смѣло смотришь въ дальнѣйшее грядущее.

И такъ, пока есть здоровье, силы, охота къ труду, терпѣніе въ превратностяхъ судьбы, насущный кусокъ чернаго хлѣба—за дѣло съ Богомъ!

— „Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.

Вставай же, рабъ лѣнивый Бога;

Господь велить: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,

Крестомъ и кровью купленъ ты.

Сгибайся-жь, пахарь, надъ браздою!

Борись, борець, до поздней тьмы!“

Предъ словомъ грознаго призванья

Склоняюсь трепетнымъ челомъ,

А Ты безумнаго роптанья

Не помяни въ судѣ Твоемъ.

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,

Удѣлъ, назначенный Тобой,

И не сомкну очей въ дремотѣ,

И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,

Не отойду я отъ него,

Покуда не прорѣжу нивы,

Господь, для сѣва Твоего.

Хомяковъ.

Учитель *Е. Нуликовъ*.

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XLVI.

Паломническое и образовательно-воспитательное значеніе ученическихъ поѣздокъ.—Поѣзка въ Москву и Св.-Троицкую Лавру.—Въ Тихоновой пустыни.

Одно изъ дѣйствительнѣйшихъ воспитательно-образовательныхъ средствъ для учениковъ всякой школы составляютъ совмѣстныя ученическія путешествія ко св. и вообще историческимъ мѣстамъ нашего отечества. Лучше всего, когда эти путешествія совмѣщаютъ и *паломническое* и *образовательное* значеніе. Одно изъ такихъ путешествій весьма успѣшно совершено учениками *Брасовской* второклассной школы (Орловской губ.), посѣтившими съ 14—26 мая сего года Москву, Троице-Сергіеву Лавру и Тихонову пустынь, Калужской губ.

Вотъ какъ описывается это путешествіе однимъ изъ его устроителей и участниковъ.

„Объявивъ предварительно учителямъ и ученикамъ всѣхъ отдѣленій о своемъ намѣреніи съѣздить вмѣстѣ съ ними въ г. Москву и Троице-Сергіеву лавру, я просилъ учениковъ, желающихъ поѣхать со мною, переговорить со своими родителями, заручиться ихъ согласіемъ и внести мнѣ немедленно послѣ Пасхи деньги въ количествѣ 10 руб.

Желающихъ ѣхать оказалось, конечно, много, но имѣющихъ возможность поѣхать не болѣе 12 чел. Причина—недостатокъ средствъ. Учителя-же нашей школы первоначально всѣ выразили желаніе принять участіе въ экскурсіи, но впоследствии отказались ѣхать по семейнымъ обстоятельствамъ, кромѣ учителя образцовой школы. Зная по опыту, что на 10 рублей трудно съѣздить и пробыть нужное время въ намѣченныхъ пунктахъ и не имѣя возможности увеличить назначенную сумму, я обратился въ Сѣвское Уѣздное Отдѣленіе

съ просьбой войти въ соглашеніе съ Московскимъ Уѣзднымъ Отдѣленіемъ о предоставленіи экскурсантамъ бесплатно школьнаго помѣщенія, близкаго къ центру города. Московское Отдѣленіе, по полученіи моей просьбы чрезъ Сѣвск. У. Отдѣленіе, предоставило экскурсантамъ въ бесплатное пользованіе двухклассную ц.-прих. школу при Николопыжовской церкви.

12-го мая у насъ окончились экзамены, а 14-го въ 5 ч. вечера ученическая экскурсія, состоящая изъ 9 учениковъ и 2 учителей, отбыла изъ Брасова въ Москву.

Всѣ экскурсанты находились въ возбужденно-радостномъ настроеніи... Дѣйствительно, пріятно было сознавать, что желаніе побывать въ „бѣлокаменной“ начало осуществляться. По сторонамъ ж. д. мелькаютъ лѣса, по большей части все сосновые, угрюмые, и только изрѣдка между ними попадаются лиственные деревья—веселыя, нѣжныя, составляющія полный контрастъ съ краснолѣсьемъ... Ученики толпятся у открытыхъ оконъ вагона, съ интересомъ слѣдя за быстро мѣняющимися путевыми видами... Незамѣтно наступила ночь, всѣ улеглись спать. На другой день часовъ въ 6 утра всѣ уже встали: не спится юнымъ, непривычнымъ пассажирамъ, да и Москва уже близко.

Въ Москву мы пріѣхали въ 10 ч. и тотчасъ-же отправились въ Николопыжовскую ц.-пр. школу. Благодаря любезности о. завѣдующаго, мы устроились въ школьнѣ вполне удобно и даже съ комфортомъ. Въ нашемъ распоряженіи были двѣ большія, классныя комнаты, школьная прислуга, кухня со всѣми принадлежностями, и каж-

дому экскурсанту дана была койка съ матрацемъ и чистымъ, спальнымъ бѣльемъ.

Въ тотъ-же день, 15-го мая, мы осмотрѣли Румянцевскій музей. Уже самое зданіе остановило на себѣ вниманіе. Дѣйствительно, оно очень красиво и по архитектурѣ и по своему мѣстоположенію. Въ музей ученики болѣе всего заинтересовались иностраннымъ и русскимъ этнографическимъ отдѣлами. Въ иностранномъ отдѣлѣ ученики съ большимъ интересомъ осматривали японскую одежду, оружіе прежняго времени, произведенія японскаго искусства и пр. Еще внимательнѣе ученики осматривали русскій этнографическій отдѣлъ, заключающій въ себѣ до 270 манекеновъ различныхъ народовъ Россіи и славянскихъ народностей Турціи и Австріи, а также ихъ земледѣльческія орудія, домашнюю утварь, музыкальные инструменты, одежду и пр. Ученики были ознакомлены съ бытомъ разныхъ народовъ на урокахъ географіи, но, конечно, такое знакомство, основанное только на разказахъ учителя и на разсматриваніи подходящихъ рисунковъ, было довольно смутное. Въ музей же ученики получили наглядное и отчетливое представленіе о жизни разныхъ народовъ Россіи. Вотъ предъ нами самоѣды со своими жилищами, оленями и неуклюжими, какъ и сами, ихъ одеждами. Вотъ инородцы Сибири—тунгусы, вогулы и пр... Вотъ народы Туркестанскаго края—съ невиданными у насъ животными—верблюдомъ, ишакомъ и т. д. Какое разнообразіе лицъ, одеждъ, жилищъ, [всего домашняго быта! Сколько народовъ живетъ подъ могучею державою Русскаго Царя! Долго, долго ходили мы по музею, и, право, цѣлые годы школьнаго теоретическаго преподаванія не въ состояніи замѣнить посѣщенія такихъ хранилищъ рѣдкостей!

Въ слѣдующіе дни мы осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Кремля, церковь Василия Блаженнаго, Историческій музей, Третьяковскую галерею, Зоологическій и

Ботаническій сады, Храмъ Христа Спасителя, Донской монастырь, училище для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, ходили по главнымъ улицамъ Москвы и пр.

Осмотръ Кремля занялъ у насъ нѣсколько дней. Нельзя было въ одинъ-два дня осмотрѣть весь Кремль съ пользою для учениковъ. Тамъ, какъ извѣстно, съ каждымъ мѣстомъ связанъ рядъ историческихъ событій, которыя мнѣ было желательно воспроизвести въ умѣ учениковъ. Весь Кремль съ своими древними соборами и монастырями, съ хранилищами древнихъ памятниковъ, далъ намъ много, много сильныхъ впечатлѣній и новыхъ понятій.—Цѣль нашей поѣздки была религіозная. Поэтому, мы при посѣщеніи монастырей и церквей прежде всего старались удовлетворить свое религіозное чувство молитвою предъ св. мощами угодниковъ Божіихъ и чтимыми иконами, цѣлованіемъ ихъ и выслушиваніемъ молебновъ, а затѣмъ уже удовлетворяли и умственные запросы. Посѣщеніе патриаршей ризницы, я думаю, оставило наиболѣе прочный слѣдъ въ памяти учениковъ, благодаря отеческому къ намъ отношенію завѣдующаго ризницей, о. архимандрита Бориса. Подъ его руководствомъ мы осмотрѣли церковь 12-ти апостоловъ и патриаршую ризницу. Въ патриаршей ризницѣ въ особенности долго бесѣдовали съ учениками о. Борисъ, отвѣчая на ихъ вопросы просто и обстоятельно. При прощаніи онъ всѣхъ благословилъ, а со мной кромѣ того поцѣловался, далъ на память визитную карточку и сказалъ: „если окажется нужною моя помощь вамъ, то безъ стѣсненія обращайтесь ко мнѣ, съ удовольствіемъ сдѣлаю все, что возможно“. Свѣтлое впечатлѣніе оставилъ по себѣ о. Борисъ. Въ Москвѣ мы часто вспоминали его, думаю и теперь каждый изъ экскурсантовъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ добраго батюшку.

Много впечатлѣній вынесли мы отъ осмотра Оружейной палаты и Третьяков-

скої галереї. Громаднѣя зданія, высокія, широкія лѣстниці, большія комнаты, обстановка, собраніе драгоцѣнныхъ рѣдкостей,— все это на первыхъ порахъ стѣсняло учениковъ, какъ деревенскихъ жителей, привыкшихъ къ маленькимъ деревяннымъ помѣщеніямъ и примитивной обстановкѣ. Но ученики скоро освоились съ подобной обстановкой и чувства неловкости, стѣсненія какъ-бы и не бывало: они свободно переходили изъ одной залы въ другую, разсматривали древніе предметы, обращались за объясненіями къ лакеямъ и не стѣснялись вслухъ дѣлиться впечатлѣніями. Залы — коронная, трофейная, оружейная, тронная особенно насъ заинтересовали. Въ Третьяковской галереѣ ученикамъ больше всего понравились картины религіознаго и историческаго содержанія и картины изъ родного быта: семейный раздѣлъ, крестный ходъ, хороводъ и пр.

Храмъ Христа Спасителя своєю массивностью, богатствомъ, живописью поразилъ насъ. Никто изъ насъ до этого времени не видѣлъ такого большого, величественнаго храма. Мы долго пробыли въ немъ, забывъ и про усталость и про голодь. Замѣчательное изображеніе Господа Саваоа на сводѣ купола, писанное профессоромъ Марковымъ, поразило учениковъ своимъ величіемъ. Когда проводникъ сказалъ намъ, что изображеніе Господа Саваоа имѣетъ длины 7 саж., голова 4 арш., носъ и пальцы по 1 арш., а изображеніе Предвѣчнаго Младенца 9 арш., то ученики первоначально съ недовѣріемъ отнеслись къ словамъ проводника, такъ какъ снизу изображеніе не казалось такимъ огромнымъ, и только впослѣдствіи повѣрили.

Посѣщеніе садовъ — Ботаническаго и Зоологическаго, безъ сомнѣнія, принесло ученикамъ громадную пользу въ образовательномъ отношеніи и было для всѣхъ насъ пріятнымъ развлеченіемъ. Съ какимъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ и восторгомъ ученики знакомились съ разнообразными

животными, представители которыхъ въ зоологическомъ саду собраны почти изъ всѣхъ странъ. Въ ботаническомъ саду незамѣнимыя услуги оказалъ намъ помощникъ завѣдующаго садомъ. Онъ, безъ всякой просьбы съ нашей стороны, ознакомилъ насъ со всѣми оранжерейными и садовыми растеніями, имѣющими научное значеніе. Ознакомленіе это не было только простымъ показываніемъ растеній и названіемъ ихъ именъ, а сопровождалось замѣчательно живыми, полными, увлекательными объясненіями. Онъ такъ ясно говорилъ и такъ новы были для насъ растенія и его толковыя объясненія, что положительно увлекъ насъ. Мы, переходя изъ оранжереи въ оранжерею, постепенно ознакомились съ тремя видами насѣкомоядныхъ растеній, съ тропическими растеніями, съ водяными растеніями, водорослями, плуцемъ и мн. др.

Сильное, неизгладимое впечатлѣніе осталось у насъ отъ посѣщенія училищъ для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Эти училища намъ пришлось посѣтить, благодаря учителю В. М. Ильинскому—орловцу и моему товарищу по семинаріи.

Въ училищѣ для глухонѣмыхъ классныя занятія, къ сожалѣнію, были уже закончены, и намъ пришлось ознакомиться только съ вѣкъклассными занятіями. Въ настоящее время при училищѣ имѣется типографія, переплетная, столярная, портновская, сапожная — мастерскія и садоводство. Со всѣми этими мастерскими директоръ училища насъ и познакомилъ. Въ типографіи намъ практически показали печатаніе книгъ.

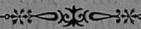
Въ училищѣ для слѣпыхъ мы присутствовали при игрѣ оркестра, при классныхъ занятіяхъ и побыли въ мастерской. Странно было намъ видѣть группу слѣпыхъ мальчиковъ, чловѣкъ 20—25, расположенныхъ полукругомъ и играющихъ на скрипкахъ и духовыхъ инструментахъ. При насъ исполнили „Смерть Азы“, Грига

и „Фантазія на русскія темы“, Золотаренко. Игра была очень хорошая. По окончаніи игры оркестра насъ провели въ мастерскую. Здѣсь дѣлають щетки и корзины. Всѣ дѣйствія слѣпцовъ были увѣренныя, безошибочныя, что немало насъ удивляло. Послѣ осмотра мастерской насъ познакомили съ учебной постановкой дѣла. Въ 1-омъ классѣ показали намъ первоначальную азбуку для слѣпыхъ, затѣмъ одинъ изъ учениковъ по книгѣ для чтенія прочиталъ и рассказалъ нѣсколько строкъ. Чтеніе было вполне правильное и сознательное. Далѣе мальчики безукоризненно прочитали нѣсколько басенъ въ лицахъ. Во 2 классѣ намъ показали географическія карты для слѣпыхъ и письменные приборы. Необыкновенно любопытно было наблюдать намъ отвѣты учениковъ. Учитель вызываетъ ученика—слѣпца и проситъ показать по картѣ губернскіе города Орель, Курскъ, Кіевъ и др. Мальчикъ, при помощи осязанія, не задумываясь, находилъ требуемыя мѣста. Намъ оставалось только удивляться и благодарить учительскій персоналъ за радушный пріемъ и за ознакомленіе способами обученія слѣпыхъ.

22-го мая мы выѣхали изъ Москвы въ Троице-Сергіеву Лавру. 23-го утромъ мы отстояли литургію въ Лаврѣ, молебень, приложились къ мощамъ пр. Сергія, осмотрѣли достопримѣчательности Лавры, а послѣ обѣда выѣхали обратно.

У меня ученическихъ денегъ оставалось болѣе 25 р. Эти деньги, по моему предложенію, рѣшили употребить на поѣздку въ Тихонову Пустынь, Калужской губ. Поѣздка эта не вызвала особыхъ расходовъ, такъ какъ Пустынь находится въ 9 верст. отъ ст. „Тихонова Пустынь“, на пути въ Брасово. 24 ч. въ 7 час. утра мы прибыли на ст. „Тихонова Пустынь“. Здѣсь

мы оставили свои вещи, а сами пѣшкомъ направились въ монастырь. Дорога до Пустыни, на протяженіи 9 в., идетъ лѣсомъ. Мы съ удовольствіемъ шли, наслаждаясь, послѣ города, тишиною, чистымъ бодрящимъ воздухомъ и родною деревенскою природою. Не доходя 2—3 в. до обители находится колодезь, вырытый, по преданію, пр. Тихономъ. Всѣ богомольцы считаютъ своимъ долгомъ искупаться въ немъ, хотя вода не болѣе 4—7⁰/₁₀. И мы, экскурсанты, съ молитвою пр. Тихону, искупались всѣ, кромѣ одного. Освѣженные купаніемъ мы быстро дошли до Пустыни. Въ Пустыни насъ приняли очень хорошо. На этотъ-же день мы осмотрѣли церкви и больницу подъ руководствомъ одного о. іеромонаха и были у всенощной. Стояніе учениковъ за всенощной было, по моему, глубоко воспитательно. Весь храмъ наполненъ богомольцами, преимущественно женщинами—крестьянками, измученными трудомъ, горемъ и иными нуждами. Слышится вздохи, шептанія, паденія на колѣни.. И вотъ среди этой молитвенно-настроенной толпы стоятъ ученики. Они, безусловно, заражаются общимъ молитвеннымъ настроеніемъ и становятся сосредоточеннѣе, внимательнѣе... Глубоко назидательная обстановка! 25-го послѣ Литургіи были у о. архимандрита, который принялъ насъ очень милостиво, раздалъ 12-ть брошюръ религіознаго содержанія и пригласилъ въ трапезную обѣдать, гдѣ обѣдалъ и самъ. Послѣ обѣда мы выѣхали изъ Пустыни въ Брасово съ свѣтлымъ впечатлѣніемъ о ней. 26-го числа экскурсанты прибыли въ Брасово. Экскурсія была очень и очень удачна во всѣхъ отношеніяхъ и оставила у всѣхъ паломниковъ наилучшія воспоминанія“.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Сентябрь 1905.

Недавно съ далекаго сѣвера, изъ села Холмогорь, отъ уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ священника В. Л. наша Редакція получила полное пастырской грусти письмо. Въ немъ онъ скорбитъ объ измѣнчивостѣ русской печати православно-русскимъ завѣтамъ и объ издѣвательствѣ, между прочимъ, „Русскаго Слова“, давно уже потерявшаго всякое обличіе русское, надъ церковною школою... И чего только не говорятъ въ своихъ легучихъ замѣткахъ разные Россовы, разсуждающіе о крестьянскихъ нуждахъ и, вѣроятно, совершенно не знающіе крестьянской среды, Немировичи-Данченки, кстати и некстати позорящіе церковную школу и знающіе лишь поле воинской брани, да свой карманъ, Оресты Смирновы, воспѣвающие земскую школу и бросающіе общіе бездоказательныя фразы по адресу истинно-народной церковной школы, которой никогда, вѣроятно, они и не видали... „Кому принадлежитъ школа, тому принадлежитъ и будущее—писать, напимѣрь, въ „Русскомъ Словѣ“ Россовъ (№ 178). Не о нашей, конечно, школѣ грамоты, продолжаетъ онъ, или церковно-приходской идетъ рѣчь... Земскіе школы организованы отлично и обученіе грамотѣ идетъ успѣшно. Но тысячи церковно-приходскихъ и школъ грамоты—этихъ „огарковъ“ нашего просвѣщенія не въ силахъ даже оправдать дѣлъ своего существованія. Мальчики забываютъ и то, чему научились въ такихъ школахъ. Является вопросъ, зачѣмъ такія школы существуютъ?“ Въ томъ же приблизительно духѣ сѣтуетъ на церковную школу, какъ на „суррогатъ просвѣщенія“ и Немировичъ-Данченко (№ 117), по которому церковная школа придумана, больше на бумагѣ, для того, чтобы „затормозить, задержать открытіе и развитіе земскихъ училищъ въ селахъ и деревняхъ“. Тотъ-же духъ нетерпимости слышится и у многихъ другихъ услужливыхъ писаекъ не „Русскаго Слова“, которымъ между прочимъ, подыгрываетъ и какой то услужливый инспекторъ семинаріи, укрывшійся, чтобы не было стыдно, если онъ только дѣйствительно инспекторъ, за буквы N. S. и выдающій въ церковной школѣ лишь „роковое недоразумѣніе“ (№ 162)... Но все это лишь только однозвучное малопонятное кваканье изъ

грязнаго болота, внушающее естественное чувство брезгливости къ безцеремонному оплеванію церковной школы не „Русскимъ Словомъ“... А вотъ и тѣ скрытыя основанія, по которымъ не въ мѣру усердно порицается церковная школа. Недавно одинъ изъ сотрудниковъ не „Русскаго Слова“, упомянутый нами Орестъ Смирновъ, въ рядѣ замѣтокъ по поводу сорокалѣтія земской школы высказалъ за всѣхъ единомысленныхъ сотоварищей по перу и мысли завѣтныя думы. Воспѣвая, по обычаю, гимны земской школѣ (см. особ. № 207) и, тоже по обычаю, черня церковную школу, онъ между прочимъ замѣчаетъ: „обезпеченныя болѣе образованнымъ и преданнымъ дѣлу педагогическимъ персоналомъ, лучше вознаграждаемымъ за свой трудъ, болѣе устойчивымъ, нерѣдко оборудованныя библіотеками и наглядными пособіями, съ расширенной программой общеобразовательныхъ предметовъ—земскія народныя школы прочно завербовали (не ошибитесь г. Орестъ Смирновъ!) себѣ довѣріе и любовь крестьянскаго населенія (можетъ быть отбросовъ его, которое, какъ и такъ называемые „интеллигенты“, любятъ комфортъ: большія окна, высокіе потолки и веселые разговоры за рюмкой водки?.. Такъ вѣдь это не надежная любовь...). Многочисленныя статистическія работы (какія это?! и изслѣдованія по народному образованію ясно указываютъ на предпочтительное отношеніе народа къ школамъ земской передъ церковной (лжете, лжете, г. Орестъ Смирновъ. Вы, конечно, не хотите слышать здраваго крестьянскаго голоса... Не народнымъ голосомъ поете вы свою знакомую намъ пѣсню)... Да это и понятно. Церковныя школы преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, задачи религиозно-нравственнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія. Онѣ такъ сказать, помогаютъ Церкви. Земскія школы даютъ общее образованіе, необходимое для жизни земной, жизни практической. Онѣ готовятъ человека-гражданина. Это прежде всего. Вопросы религіи не могутъ въ нихъ занимать первенствующаго мѣста, тѣмъ болѣе теперь, когда Высочайше дарована свобода вѣроисповѣданій... Такъ пусть же дѣло народнаго образованія всецѣло перейдетъ въ руки обновленныхъ свѣжими силами безсловныхъ земствъ.

Этого требуетъ жизнь!..“

Такъ вотъ изъ за чего поднимается въ не „Русскомъ Словѣ“ весь шумъ и гамъ противъ церковныхъ школъ... Не въ плохомъ состояніи церковныхъ школъ вся суть дѣла, а въ томъ, что эти школы сближаютъ народъ съ Церковію, въ томъ, что онѣ преслѣдуютъ задачи религиозно-нравственнаго просвѣщенія, въ томъ что бѣдная, сравнительно съ земскими школами, церковная школа остается вопросительнымъ знакомъ и, если угодно гг. либераламъ, „роковымъ недоразумѣніемъ“, которое, увы, не можетъ переварить и которое, однако, не въ силахъ разгадать незамѣтно вопаряющей въ нашу среду антихристъ, возжигающей толстыя фарисейскія свѣчи, дающей, однако, свѣтъ слабѣ всякаго „огарка“, потому что этотъ „огарокъ“ (напрасно издѣвается „Русское Слово“, довольное своимъ плоскимъ остроуміемъ!) ровно и отрадно, безъ показной вѣщности, свѣтитъ честному русскому сердцу и согрѣваетъ его...

А что сказать о приемахъ полемики враговъ церковной школы, съ которыми возстаютъ они противъ „лепты вдовицы?“ Церковная школа бѣднѣе земской—такъ добывай ее—вотъ какъ звучитъ основной тонъ всѣхъ полемическихъ завираний не „Русскаго Слова“ и подобныхъ ему органовъ печали... И они стараются добить ее—добить, когда, посмѣиваясь, отнимаютъ у церковной школы всякое вспомоствованіе земствъ, о чемъ съ самодовольствомъ такъ часто сообщаетъ за послѣднее время періодическая печать извѣстнаго, противнаго православно-русскимъ людямъ, направленія... А это-ли достойное отношеніе къ своему сопернику?.. Это ли не постыдное желаніе погасить „огарокъ“, хотя бы безъ его свѣта окончательно погрузился въ тьму духовнаго невѣдѣнія нашъ православно-русскій народъ?!

Нѣтъ, многоглаголивые писаки не „Русскаго Слова“ и единомысленныхъ органовъ

печати отлично понимаютъ, что „не на бумагахъ только“, какъ думается Немировичу-Данченко, существуютъ церковные школы, если противъ несуществующаго врага метаются такія острые стрѣлы... Они знаютъ, что и обожженный „огарокъ“ иногда можетъ свѣтить ярче цѣлой свѣчи... Конечно, они не знаютъ церковной школы, они не слышали и голосовъ честныхъ русскихъ людей объ этой школѣ, а если и слышали ихъ, то съ высоты своего либеральнаго величія презираютъ ихъ... Но они понимаютъ, что, какъ ни бѣдна церковная школа, однако и она проливаетъ слишкомъ яркій свѣтъ въ народную среду и свѣтъ такой, который топить ихъ Нероновы свѣточи въ своемъ чистомъ сіяніи, что и она вливаетъ *свою* струю, которая мѣшаетъ имъ разливать мутныя волны модныхъ вѣяній времени по лицу земли Русской.

Чѣмъ болѣе злобствуетъ врагъ, тѣмъ сильнѣе изобличаетъ онъ свое безсиліе... Чѣмъ изобрѣтательнѣе онъ въ своихъ козняхъ, тѣмъ понятнѣе для него, что не такъ-то слабъ и немощенъ противникъ его... слѣдовательно, если люди крайняго направленія и враждуютъ къ церковной школѣ, то враждуютъ во всякомъ случаѣ не за ея бездѣятельность...

Пусть-же спокойно выступаютъ и выступаютъ церковно-школьные дѣятели на ниву народнаго просвѣщенія... Пройдетъ „весна“ и „лѣто“, замерзнетъ болото, а въ немъ заснутъ и лягушки-квакуны... Пусть злая вражда клеймить нашихъ церковно-школьныхъ трудниковъ... Эта вражда есть вѣрнѣйшій показатель того, что не бездѣйствуетъ наша истинно-русская школа, потому что только живая плодотворная дѣятельность вызываетъ противодействие... И всякая лишняя злоба, направленная противъ церковной школы, будетъ только новымъ и новымъ признаніемъ ея желанной всѣмъ православно-русскимъ людямъ работы...

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно выписывать книги:

ПРОПОВѢДИ
СВЯТИТЕЛЯ ИЛИ МИНЯТІЯ КЕФАЛОНИТСКАГО
(ЕПИСКОПА КЕРНИСКОГО И КАЛАВРИТСКАГО).

Новый переводъ съ греческаго языка.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ папкѣ-корешкѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ЖИТІЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОВНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГІЯ,

Игумена Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца.

Пятое дополненное и исправленное издание

составлено соборнымъ іеромонахомъ (нынѣ Епископомъ Серпуховскимъ) **НИКОНОМЪ**.
ВОЛЬШОЙ ТОМЪ НА РОСКОШНОЙ БУМАГѢ

СЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ КАРТИНАМИ

изъ жизни угодника Божія И МНОГИМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ (всего 145 рисунковъ), и одной художественной хромолитографіей въ 20 красокъ въ размѣрѣ книги: **ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРИЧАЩЕНІЕ ПРЕП. СЕРГІЯ** (копія съ картины покойнаго іеромонаха Симеона). Эта книга удостоена отъ Святѣйшаго Синода преміи Митрополита Макарія въ 1000 рублей.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ красивомъ корешкѣ, папкѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.,—въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

То же издание, но на простой бумагѣ, безъ примѣчаній, безъ заставокъ и безъ хромолитографіи съ 100 рисунками въ текстѣ, цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

ЖИЗНЬ ПУСТЫННЫХЪ ОТЦЕВЪ, ТВОРЕНІЕ ПРЕСВИТЕРА РУФИНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО,

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Протоіерея М. І. Хитрова.

Цѣна книги: 1 р., съ пер. 1 р. 40 к., на веленовой бумагѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ папкѣ-корешкѣ 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ коленкорѣ съ золотымъ тисн. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ переплетахъ имѣются только экземпляры на велен. бум.

Можно выписывать изъ редакціи „Троицкихъ Листковъ“ и „Божіей Нивы“.

СОДЕРЖАНІЕ: Нашимъ читателямъ. Прежде и теперь. *Д. Введенскаго.* — Церковная школа, какъ школа будущаго. *С. Козубовскаго.* — Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. В. Куликова.* — Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ). — Нашъ дневникъ. — Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 34-я (три статейки).

Редакторъ Епископъ **НИКОНЪ**.

Печатать дозволяется. Визанія. Сентября 5 дня, 1905 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей *А. Бгльевъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.
За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; вы- ходитъ ежемѣсяч- но.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по- садъ, Моск. губ., въ Ре- дакцію „Во- жіей Нивы“.